

**Военные
Приключения**

ТАЙНА НЕСВИЖСКОГО ЗАМКА

СЕРГЕЙ БОРТНИКОВ

Военные приключения (Вече)

Сергей Бортников

Тайна Несвижского замка

«ВЕЧЕ»

2019

Бортников С. И.

Тайна Несвижского замка / С. И. Бортников — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8038-6

Золотые апостолы, пропавшие после Отечественной войны 1812 года из родового замка князей Радзивиллов, что в белорусском Несвиже, привлекают внимание многих и многих охотников за сокровищами. В противостоянии с агентами «Аненербе» их поиск осуществляет и учёный-философ, а «по совместительству» – секретный сотрудник Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Ярослав Плечов. Новый роман известного мастера отечественной остросюжетной литературы, лауреата литературной премии «Во славу Отечества».

ISBN 978-5-4484-8038-6

© Бортников С. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Глава 1. Накануне	6
1	6
2	8
3	10
4	12
5	15
6	18
7	19
8	24
9	27
10	30
11	31
Глава 2. Предчувствие беды	33
1	33
2	35
3	36
4	38
5	40
6	42
7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Иванович Бортников

Тайна Несвижского замка

© Бортников С.И., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

*Памяти безвременно ушедшего ближайшего друга и
единомышленника,
выдающегося белорусского археолога, доктора исторических наук
Сергея Евгеньевича Рассадина (1958–2017)
посвящается*

Глава 1. Накануне

1

Ярослав открыл глаза и, стараясь не подымать лишнего шума, дабы (упаси, Господи!) не потревожить всё ещё мирно посапывающую любимую супругу, выскользнул из-под общего одеяла.

В полной темноте с первого раза (что случилось далеко не всегда!) вонзил ступни ног в широкие кожаные тапочки и, стяхивая с себя остатки крепкого утреннего сна, медленно побрёл по длинному коридору.

В это время зазвонил телефон.

Ярослав поднял трубку и небрежно бросил:

– Слушаю!

– «Вставай, вставай, дружок, с постели на горшок!» – ударил в барабанную перепонку слегка искажённый мембраной, но от этого никак не менее узнаваемый голос майора Копытцева.

– Ты что же, следишь за мной, Алексей Иванович? – вместо полагающегося приветствия недовольно пробурчал Плечов, попирая все писанные и неписанные законы служебной субординации.

– Ага... Работа такая! – охотно согласился его собеседник, по непонятной причине пребывавший с самого утра в состоянии, близком к крайней степени возбуждения, – причём радостного и что немаловажно – доброжелательного. – «Вставай, вставай, порточки надевай!»

– И откуда ты только взялся, горнист хренов? – продолжал темпераментно возмущаться Ярослав, в шутку прикидываясь тем, на ком, согласно известной русской поговорке, воду возят. – Уймись наконец... На моих золотых всего лишь половина седьмого!

– И что это меняет? Я уже два часа как бодрствую!

– Тяжёлое пионерское детство?

– Побойся Бога, если он есть, конечно.

– Есть...

– Ты, как я погляжу, в своём репертуаре.

– А должен быть в чужом?

– Нет. Но хотя бы иногда менять пластинку – не помешает.

– Не вижу смысла.

– Отставить! Прекратить прения. Сказал: «Люминий», значит – люминий!

– Слушаюсь, товарищ майор госбезопасности.

– Так-то оно лучше... Я, между прочим, не просто так звоню – спешу тебя поздравить.

Первый и... последний!

– По какому поводу?

– Потерпи немного. Не по телефону.

– Шампанское охладить?

– Ты по-прежнему руководишься старым, как мир, принципом: лучше сто пятьдесят с утра, чем целый день быть трезвым?

– Ага!

– Обойдётся! Глаза сначала продери... Умойся, зубы почисти...

– Всё-таки подглядываешь?

– Да. Высоко сижусь, далеко гляжу.

– Ладно... Жду! Поднимешься?

- Нет... Выползай потихоньку на улицу... Через десять минут буду!
- Слушаю и повинуюсь!

2

Ярослав выбежал во двор и, чтобы не терять напрасно времени, начал разминаться перед неизменной утренней пробежкой. Попрыгал, повертел головой влево-вправо, пару раз присел, выбрасывая вперёд крепкие руки...

И в это время из-за левого угла дома вынырнули два параллельных пучка света. Сразу следом за ними во внутреннем дворике профессорской высотки появилась роскошная иномарка.

«А... „паккард твелв“, – не сразу догадался Плечов. – Двенадцатицилиндровое детище славного заокеанского автопрома».

В последние годы таких в Москве появилось довольно много. Только в одном ГОНе¹ – добрый десяток!

«Хм... Похоже, Копытцев сменил тачку и ни слова не сказал своему лучшему другу... Может, просто хотел сделать сюрприз? Или же – произвести впечатление, похвастаться, погонять, так сказать, понты? Но... Ни то ни другое Лёхе не свойственно... К тому же... Уж больно быстро он сегодня примчался (и пяти минут не прошло после нашего телефонного разговора...) Да и въехал не с той, как обычно, стороны дома».

Казалось бы, стоит беспокоиться!

Однако агент почему-то не внял голосу разума и, небрежно помахивая правой ладошкой, поспешил навстречу своему, как он полагал, коллеге, шефу, а с недавних пор и самому близкому товарищу.

Как вдруг...

Иномарка остановилась. Правая её дверца откинулась в сторону и в образовавшейся щели появился пистолетный ствол.

Выстрел.

Какой-то странный, негромкий. Даже, можно сказать, тихий, если не совсем бесшумный. И абсолютно глухой.

Пух – с нескольких метров...

Практически в упор.

И...

И невероятная слабость моментально разлилась по всему тренированному телу, парализуя доселе безотказные бицепсы.

Странно... Но никакой боли Ярослав не ощущал...

То есть абсолютно.

Только... полная невесомость и невероятная лёгкость. Короче – неземное блаженство. Плюс какая-то неведомая ранее сладость.

Радость успокоения, что ли?

Неужели именно так выглядит смерть?

* * *

Из машины выбежали двое дюжих мужчин, подняли недвижимую жертву и, схватив под руки, поволокли по направлению к распахнутой дверце.

Но...

---

¹ ГОН – гараж особого назначения в структуре НКГБ-НКВД СССР, где содержались и обслуживались автомобили, перевозящие лиц, пребывающих под охраной «органов». – *Здесь и далее примечания автора.*

В это время их копошащиеся фигуры накрыл мощный поток света, исходящий от только вчера вечером отрегулированных фар сто первого ЗИСа, за рулём которого, естественно, находился начальник секретно-шифровального отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) Копытцев.

– Влипли... Линяем! – нервно распорядился один из нападавших на Плечова, тот, что был выше ростом.

Причём сделал это нарочито громко, так, что даже глухая на одно ухо баба Маша, привычно грустившая за открытым окном на первом этаже, смогла хорошо расслышать все его слова.

– А с этим что делать? Может, всё-таки добить? – равнодушно поинтересовался второй – плотный невысокий брюнет, поигрывая пистолетом в свободной руке.

– Нет... Начальство предупреждало: он нужен только живой!

Коротышка с облегчением вздохнул и скрылся в салоне автомобиля. Положив левую ладонь на баранку, правой запустил двигатель.

Его, по всей видимости, более высокий по чину или должности коллега, тем временем, присев на одно колено, дважды неприцельно пульнул в сторону неожиданно возникшего противника. Мимо.

Но Алексей тоже был не лыком шит.

Нет, оголять оружие в условиях резкой нехватки времени (цейтнота, как говорят шахматисты) он даже не пытался. Зачем? Просто нажал на педаль акселератора и... вогнал свою «красотку» в зарвавшийся «паккард».

Так и не успевший занять своё место рядом с шофёром старшой бросился наутёк. Копытцев выпустил ему вдогонку несколько пуль из своего нагана, но безрезультатно.

А низкий – не двигался, казалось, он просто заснул за баранкой.

С чего бы это?

Майор рванул на себя тяжёлую дверцу и, поведя своим, как он сам не раз хвастался, сверхчувствительным носом, сразу ощутил горьковатый запах...

Миндаль?

Предчувствуя неладное, Лёша немедля схватился правой рукой за густой чуб и, оторвав голову нападавшего от руля иномарки, повернул к себе незнакомое лицо с розовыми, как у поросёнка, щёчками.

В тот же миг тело водителя в последний раз судорожно дёрнулось и окончательно затихло.

Майор положил руку на его сонную артерию.

Всё. Труп. «Жмурик», как говорят в секретно-шифровальном отделе, он и в Африке «жмурик».

Что с него возьмёшь?

3

Ярослав пришёл в себя только спустя шесть часов.

На больничной койке в отдельной палате.

Слева от него на казённом табурете ёрзала до смерти напуганная супруга, впервые в жизни на пару часов оставившая маленького Андрюшку под присмотром опытной соседки (у той самой пятеро ребятишек, правда, самому младшему из них недавно исполнилось семь лет); справа, по свободной от всякой мебели части палаты, нервно расхаживал взад-вперёд Копытцев.

– Ну, как ты, братец? – первым делом поинтересовался он, как только заметил у своего друга «первые признаки жизни».

– Врагу не пожелаешь... – с трудом выдавил Плечов, преодолевая накатывающуюся тошноту. – Что это было? Сначала: кайф, эйфория, затем – провал памяти и полная безнадёга. Депрессия, если выразаться по-научному.

– Ты даже такие слова знаешь?

– А то!

– Значит, так... Тебя хотели усыпить...

– Зачем?

– Ольга Александровна, родная, оставь нас наедине, пожалуйста!

– Слушаюсь, товарищ майор.

– Усыпить и выкрасть, – опасливо озираясь по сторонам, продолжил начальник секретно-шифровального отдела, когда Фигина, покачивая вдруг ставшими крутыми (после вторых родов) бёдрами, покинула больничное помещение.

– С какой-то целью? – фыркнул Яра, постреливая быстро оживающими синими глазами.

– Это у них спрашивать надобно.

– Организуй свидание.

– С кем? Один уже на небесах... Можно сказать, при моём непосредственном участии.

– Ты его застрелил?

– Нет.

– Сбил автомобилем?

– И опять – мимо.

– Да уж... Стр-р-р-анная история... – выдавил из себя Ярослав.

– А-а... Тот крепыш просто надул розовые щёчки и... сразу умер! Кстати, вот его фотография. Не узнаёшь?

– Не имел чести. А длинный?

– Убёг, гад.

– И его портрета у тебя, естественно, нет?

– Нет. Но, как у всякой, склонной к искусству, натуры, память у меня отменная и очень-очень цепкая. Природой сориентированная на незаметные для чужого глаза детали. Так сказать, изюминки, то бишь – уникальные отличительные черты, имеющиеся у каждого индивидуума.

– Выходит, если я правильно понял, в ближайшее время ты точь-в-точь сможешь изобразить вражью рожу на бумаге?

– Несомненно, – кивнул Копытцев.

– Тогда поехали, – учёный приподнялся на локтях и принялся искать глазами свою одежду.

– Лежи пока, – оскалил в улыбке крепкие, но редкие зубы майор. – Поправляй здоровье. Ведь твоя жизнь висела на волоске!

– Серьёзно?

– Серьёзней не бывает. Эти олухи использовали какой-то новейший барбитурат и немного переусердствовали с дозой. Ещё пару миллиграмм, и ты уснул бы навеки!

– Барбитурат? Что за холодец, братец?

– Я сам ещё толком не разобрался. Эксперты обещали дать исчерпывающую информацию где-то ближе к вечеру, часам к шести.

– Понял. Выходит, ты спас мне жизнь?

– Так точно. Будешь должен! – без ложной скромности согласился с таким утверждением майор.

4

31 мая 1941 года была суббота.

Именно в последний весенний день, солнечный и светлый, Плечова наконец-то выписали из надоевшей больницы. Естественно, на выходе из медучреждения в машине его поджидал верный друг Лёша. Простите, Алексей Иванович. Всё же майор ГУГБ, то есть целый полковник в армейской иерархии.

– Как самочувствие? – вместо приветствия бросил он из открытого окна машины.

– Отменно, – буркнул агент, по-хозяйски усаживаясь на переднее пассажирское сиденье.

– Может, хочешь повторить?

– Что именно?

– Трюк с усыплением.

– Значит, ты утверждаешь, что это был всего лишь трюк? – скорчил недоумённую физиономию Яра.

– Не придирайся к словам, братец!

– А что? Пожалуй, не помешает... – Философ задумчиво почесал нос. – Если честно, подобное наслаждение я испытывал впервые в жизни. По крайней мере, супротив этих, как их там...

– Барбитуратов?

– Ага... Даже отменный белорусский бимбер – газировка без сиропа. Не более того.

– Смотри, парень, шибко не увлекайся, – шутливым тоном предостерёг подчинённого Алексей Иванович. – Козлёночком станешь!

– Одним из результатов их применения является быстрое привыкание? – догадался Ярослав.

– Вот именно. Наркотический эффект, знаешь о таком?

– Нет... Я в химии слабоват, – искренне сознался секретный сотрудник.

– Ничего... Я тоже, – вытер пот со лба его куратор и запустил наконец двигатель. – Стопроцентный гу-ма-ни-та-рий... Звучит, словно ругань! Однако наши эксперты успели меня немного просветить, напичкать, так сказать, полезной информацией.

– Поделишься?

– Да. Все препараты подобного типа являются производными от барбитуровой кислоты, открытой немецким химиком Адольфом фон Байером ещё в 1864 году в день святой Варвары. По-ихнему – Барбары, – процедил Копытцев и притопил «до полика» педаль газа. Машина как раз выехала на широкий московский проспект и, ведомая опытной рукой, лихо стала лавировать в потоке автомобилей. – Да... Ещё... Ничего похожего на то, чем тебя пытались усыпить, наши химики пока не синтезировали.

– Значит, мы имеем дело не с доморощенными бандитами, а с иностранными спецслужбами? – сделал «глубокомысленный» вывод Ярослав.

– Однозначно. Тем более, что водитель ушёл из жизни не из-за моего тарана. Пара сломанных рёбер, как ты понимаешь, не могут привести к летальному исходу. Мерзавец добровольно принял лошадиную дозу яда. Цианида.

– Вот почему у него были розовые щёчки!

– А ты откуда знаешь? – тут же наострил уши Алексей.

– Сам ведь рассказывал...

– Когда?

– Перестань прикалываться, братец... Хочешь в очередной раз проверить меня на вшивость, поймать на неточностях? Зачем?

– Нет. Просто запомнил, когда я выдал тебе такую информацию.

- Запомнил? Записывать надо!
- И всё же? – никак не мог уняться майор.
- В больнице. «Крепыш надул розовые щёчки и умер!»
- Блин, точно... И что только творится с моей башкой?
- Сломалась?
- Не знаю... Итак, на чём мы с тобой остановились?
- На цианидах.
- О! Ну, с этим-то всё понятно... Наши спецы даже не смогли установить, надеюсь, временно, из чего тебя подстрелили. Что за чудо-оружие изобрели проклятые буржуины... По принципу действия похоже на какой-то шприц-пистолет.
- Вполне вероятно, – нагоняя важности на бледное лицо, заметил Плечов, в отличие от своего приятеля не очень разбиравшийся не только в химии, но и в стрелковом оружии. – Ведь под ампулы без особого труда можно переделать любое отстреливающее устройство. Ты сам знаешь, что на каждом нашем оборонном предприятии есть свой Кулибин, который легко превратит указательный палец в боевой ствол, а из дерьма сделает пулю.
- Не спорю, – миролюбиво подначил Копытцев. – Но и это не всё. Твоя соседка с первого этажа Мария Епифанцева...
- Не знаю такой.
- Баба Маша.
- А...
- Находясь в своей квартире, правда, с открытым окном на кухне, прекрасно разобрала, о чём разговаривали эти двое, но звука выстрела почему-то не расслышала!
- Может, нападавшие использовали какое-то ноу-хау, например, оружейный глушитель? – осторожно предположил нелегал.
- Сэр, вы даже о таком чуде слыхивали?
- Слышал. Краем уха. Точнее, читал – в зарубежной научной литературе.
- И что установили буржуины?
- А то, что первые глушители практически одновременно – ещё в конце прошлого века – запатентовали швейцарец Кристоф Эппли и француз Гумберт...
- Однако наши отечественные учёные тоже не сидели сложа руки и давно обогнали их по всем техническим характеристикам! – хвастливо заявил Лёша, поворачивая на узкую дорожку, ведущую к хорошо знакомому дому. – «БраМит», знаешь такую хренотень?
- Это её уже лет десять устанавливают на наганы и винтовки Мосина?
- Да... Разработали устройство братья Митины. Иван и Василий.
- Вот откуда такое незатейливое название!
- ...Под моим, между прочим, чутким руководством, в Особом конструкторском бюро НКВД по заказу Главного разведывательного управления Сухопутных войск РККА.
- В Особом? То есть в одном из тех, что действуют в местах лишения свободы?
- Копытцев покосился на Ярослава, но ответил:
- Да. В Соловецком лагере.
- И что натворили эти братцы-кролики?
- Собственноручно писали листовки антисоветского содержания.
- Но...
- Отставить.
- Есть!
- Позже проектно-сметное бюро с одним из братьев – Иваном Григорьевичем – перевели в Ленинградский отдел опертехники, где он и закончил начатую работу.
- А второй куда девался?
- Его расстреляли.

– Да уж... Весёлая история.

– Обычная... Между прочим, в армии их изобретение почему-то не оценили. «Устройство „БраМит“ следует надевать на голову противника, что помешает ему не только слышать звук и видеть вспышку, но и разглядеть лицо стрелявшего», – так до сих пор шутят в войсках. А вот нашим с тобой коллегам прибор пришёлся по душе, – закончил свой рассказ Копытцев и плавно нажал на педаль тормоза.

– Всё правильно... Тёмные делишки лучше делать бесшумно, – вздохнул секретный сотрудник, собираясь покинуть салон автомобиля своего куратора.

– Э-э, дружище, чуточку осторожнее, – поставил его на место Алексей Иванович. – С такими шутками и нам с тобой можно запросто отправиться по стопам этих братьев.

– Думаешь?

– Знаю!

– Да, кстати... С чем ты собирался меня поздравить в день сорванного похищения?

– С первой государственной наградой. Орденом «Знак почёта». Как положено отвечать в таких случаях, знаешь?

Выйдя наконец из машины, Плечов что-то ехидно прошипел, прежде чем захлопнуть дверцу.

– Вы неисправимы, товарищ майор! – бросил вдогонку ему Алексей Иванович, давно изучивший характер своего особо секретного подопечного и даже тайно завидовавший тому из-за возможности говорить всё, что думаешь, которой он, как официальный (аттестованный) сотрудник, был, естественно, лишён.

– Капитан, – недоверчиво покосился Ярослав.

– Мне лучше знать! – улыбнулся Копытцев.

5

Следующая их встреча состоялась спустя сутки – в первый день лета. Накануне друзья условились попить пива в одном из летних кафе, удачно расположившемся в соседствующем с профессорской высоткой парке, и вот теперь реализовывали намеченные планы.

То ли трудовая смена не успела подойти к своему закономерному концу, то ли народ не успел пронюхать о начале очередного сезона, однако за столиками под открытым небом ещё не было никого.

Пышная дама неопределённого возраста, (но явно тридцать лет с плюсом), в узком бело-снежном халате, не успевшем побывать в серьёзных переделках, как раз начинала колдовать у, по всей видимости, первой в сезоне пивной бочки, и в надежде на крепкие мужские руки периодически постреливала плутовскими глазками в сторону своих потенциальных клиентов, до поры до времени равнодушно взиравших на её потуги.

Долго продолжаться так не могло.

– Разрешите помочь? – вскоре не выдержал хорошо воспитанный (в духе коллективизма) майор Копытцев.

– Давно пора! – презрительно фыркнула толстушка.

– Очертите объём работ... Да, кстати, я – Лёша...

– Таисия!

– Очень приятно!

– Ваша задача – вынуть затычку. А насос я сама вставлю.

– Вы о чём, мадам?!

– У вас только одно на уме, – зарделась славная труженица недавно в очередной раз реорганизованного «Всенарпита». – Делайте, что сказала, а то без пива останетесь.

– Понял... О! Да тут у вас полный комплект. Изобилие в одном отдельно взятом буфете! Светлое... Тёмное... Коммунизм!

– А, по-вашему, должно быть только два сорта: «пиво есть» и «пива нет»?

– Вы ещё и мысли читать умеете?

– Иногда. Что пить будете?

– Начнём, пожалуй, с «Карамельного», – тщательно изучив этикетки, изложил своё мнение Копытцев.

– Попроще нельзя?

– Нет.

– Как бы вам правильно объяснить? Мне кажется, что это не самый лучший выбор!

– Чего вдруг?

– Неходовой товар.

– Зачем тогда он вам?

– Так... Не ради наживы, а разнообразия ради. Взяла в нагрузку ко всему, как вы сказали, изобилию!

– Что, без нагрузки никак нельзя?

– Нет. Не положено.

– Прогореть при таком раскладе не боитесь?

– Боюсь. Поэтому и планировала открыть «Карамельное» в последнюю очередь, ближе к выходному... Не дай боже, скиснет, начальство с меня три шкуры спустит...

– Давайте тогда начнём с «Русского» – славного продукта нашей родной «Трёхгорки». Точнее, завода имени товарища Бадаева, – вошёл в положение буфетчицы майор. – Надеюсь, от переименования предприятия качество напитка не пострадало?

– Нет.

– Вот и славно.

– Один бокал – за счёт заведения! Так сказать, для удачного почина... Ведь, как известно, успешное начало – залог общего успеха.

– Но...

– Никаких «но» – замётано... Надеюсь, у вас лёгкая рука, товарищ?

– Послушайте... Мы люди обеспеченные и в подачках не нуждаемся!

– Это не подачка. Плата за труд.

– Что ж... Приступим-с...

Алексей Иванович потёр ладони и принялся за незнакомое дело.

И тут до его ушей откуда-то снаружи донеслось шарканье чьих-то ног.

Это к киоску «Пиво-воды», внутри которого копошился начальник секретно-шифровального отдела, подбирались трое явно страждущих мужчин. Спустя мгновение один из них бесцеремонно засунул в окошко будки потное, давно не бритое лицо:

– Пиво есть?

– Скоро будет.

– Русское?

– Нет, американское, от заботливого дядюшки Сэма, – из забитой бочками каморки огрызнулась толстуха, оставаясь невидимой для постороннего глаза. – Садитесь за столик и ждите. Я сама вас обслужу. Скоро.

– Это ты, Тая? – вопросительно буркнул мордоворот, прежде чем ретироваться.

– А то кто же?

– Целый год тебя не видел...

– Сеня?

– Я, родная... Я... Смотри, долго не вошкайся, а то любить перестану.

– Ой-ой, размечтался... Морда в саже, а туда же!

– Мы сегодня в третью смену, – примирительно промурлыкал Семён. – А ещё домой заскочить надобно. Помыться, переодеться, тормозки собрать. Так что не тяни резину, подруга...

– Это не только от меня зависит. По вопросу быстроты обслуживания на данный момент все вопросы к Лёше.

– К этому хлыщу, что ли?

– Ага!

– Так ведь он пивной бочки отродясь не видывал! Шевелись, начальник, нам без опохмелу никак нельзя. План не выполним. Премии не получим. Короче, подведём родное рабочее-крестьянское государство! Да ты, как я погляжу, совсем безрукий? Митька?

– Я! – вытягивая в струнку тощее, костлявое тело, по-военному выпалил один из собутельников, видимо, не успевший ещё отвыкнуть от жизни по Уставу и строгости армейской дисциплины.

– Подмени товарища интеллигента.

– Есть!

Ещё несколько секунд – и Дмитрий ловкими движениями привёл в действие всю несложную цепочку: вынул кляп, вставил в отверстие насос и даже открутил краник.

Но вместо пива из него, как из пожарного рукава, вдруг хлынула одна пена.

– Первые два бокала – этим охламонам, а три следующих – нам – на правах гегемона жёстко распорядился Семён. – Всё ясно?

– Остынь, дружок... Здесь командир – я! – опустила его на землю Тая.

* * *

Пиво было великолепным.

Но всё равно вместить в себя больше, чем по два бокала, наши герои не смогли. И то – под прекрасный алтайский сыр, которым их угостил великодушный Митя, получивший на днях посылку из дому.

Стоит ли говорить, что после этого две компании слились в одну?

Как вскоре выяснилось, ребята работали неподалёку ремонтниками – на только что открытой после масштабной реконструкции кондитерской фабрике «Красный Октябрь» и должны были выйти в незапланированную ночную смену из-за поломки какого-то важного агрегата, о чём их ещё ранним утром уведомил прибывший в общежитие на Берсеневской набережной посыльный главного инженера предприятия.

Мол, пока отсыпайтесь, явитесь в 22.00.

Впрочем, смена смены, простите за тавтологию, пришлась как нельзя кстати. Ибо вчера у их третьего товарища – Серёги – родился первенец...

Естественно – гуляли и немножко переусердствовали со спиртным!

Теперь вот «наводят резкость», шлифуют кишки! Как положено – пивом!

Но больше сегодня – ни-ни. Ни миллиметра, ни грамма!

Начальник цеха сам не пьёт и запах алкоголя за версту чувствует. Чуть что – сразу выговор, общественное порицание и даже разгромная статья в стенгазете.

Так что – увольте!

Тепло попрощавшись с добродушными работягами, Плечов и Копытцев неспешно побрели по аллее парка по направлению к видневшемуся на горизонте жилому кварталу, посреди которого возвышалась уже хорошо знакомая читателям профессорская высотка. По пути рассуждая про жизнь-бытьё, осложнившуюся международной обстановку и конечно же неудавшуюся попытку похищения.

Опять же – цианиды, оружейные глушители.

Как вдруг...

Прямо под ноги им из гуши парка вывалился белобрысый юноша не старше двадцати пяти лет и, отряхиваясь, принялся нести что-то несвязное.

– Смирно! – заорал Алексей Иванович, и когда парень выпрямился во весь свой немалый рост, добавил: – А теперь, товарищ сержант, повторите всё то, о чём вы уже сказали, только в три раза медленнее.

– Хорошо, что вы оставили свои координаты, товарищ майор Госбезопасности... Вам велено срочно прибыть на Лубянку... Сам Лаврентий Палыч приказал!

– Понял...

Алексей положил руку на плечо блондина, и, увлекая его за собой, сделал два шага в том же направлении, в котором чуть ранее двигались они с Плечовым, после чего повернул голову назад и подмигнул опешившему приятелю:

– Прощайте, Афанасий Викторович... Надеюсь, больше мне ваша помощь не понадобится!

– Удачи! – грустно улыбнулся Ярослав.

6

В тот же вечер между ними состоялся ещё один разговор. Но теперь уже по телефону.

Хотя... Это был даже не диалог – монолог!

Причём очень короткий.

– Завтра в девять утра у твоего дома! – приказно отбарабанил Копытцев и бросил трубку.

По его встревоженному голосу и по необычной сухости обрывистых фраз Плечов сразу догадался: что-то случилось. И, возможно, уже совсем скоро его ждёт новая работёнка, свежие приключения, по которым Яра, честно говоря, уже успел соскучиться.

Как всегда – рискованные и чрезвычайно опасные.

Впрочем, особо по поводу предстоящих событий агент не волновался и вскоре со спокойной душой завалился спать.

Как бы там ни было, свои убеждения он не изменит, товарищей не предаст, к врагу не переметнётся.

А если?...

Что ж... Тогда... Тогда он последует завету Сенеки Луция Аннея (Младшего): «Неизбежное прими достойно!»

Или: будь что будет, если по-простому, по-нашему, по-русски...

7

Секретный сотрудник вышел во двор на три минуты раньше назначенного срока, но ЗИС-101 уже стоял против его подъезда!

– Сегодня у нас тяжёлый день, – без промедления сообщил Копытцев через заблаговременно откинутую правую дверцу своего служебного автомобиля. – Сталин, Берия... Все жаждут тебя видеть!

– Что-то стряслось?

– Не знаю, – честно сознался Алексей. – Наши учёные ещё не придумали такого прибора, при помощи которого можно было бы безболезненно заглянуть внутрь чужих светлых голов!

– А не помешало бы... Куда путь держим?

– Для начала – в Кунцево. Потом видно будет!

– Думаешь, привалила работёнка?

– Не сомневаюсь! Ну... Вперёд, мой друг?

– Взлетаем! – согласился Ярослав.

* * *

В главное здание Ближней дачи, недавно в очередной раз выкрашенное во всё тот же традиционный ярко-зелёный цвет, их пустили не сразу. (Мол, ждите своей очереди, а то припёрлись на целых полчаса раньше назначенного срока и желаете немедленно получить доступ к телу главного человека в славном рабоче-крестьянском государстве, – такой была мотивация охраны.)

И друзья по личному распоряжению вышедшего к ним бессменного помощника Сталина – Александра Николаевича Поскрёбышева – принялись осматривать владения вождя. Не сами, конечно, а в сопровождении совсем юного офицера НКВД, которого майор Копытцев, как оказалось, хорошо знал.

Особенно долго Плечов задержался у пруда, где его внимание привлекли огромные чёрные тени, иногда выхватываемые из глубины вод прямыми попаданиями лучей щедрого, практически уже летнего, солнца.

Карпов Яра узнал практически сразу.

А вот с определением названия второго вида рыб возникла некоторая заминка.

Правда, этих лентовидных, лениво покачивающих длинными и тонкими туловищами существ в водоёме было совсем немного.

– Налимы! – поспешил просветить любопытного гостя приставленный к нему, а заодно и к Алексею, младший лейтенант госбезопасности в новой, ладно пригнанной форме – он выполнял функции экскурсовода.

– Такие здоровые? – усомнился Плечов, ранее не раз промышлявший добычей этих тварей.

– Да. Некоторые экземпляры по весу уже давно по килограмм семь-восемь набрали.

– Ври да не завирайся!

– Правда, – густо покраснел чекист. – В естественной среде, на Севере, откуда и завезли эту рыбу, она вообще растёт до двух пудов!

– А я – того, голыми руками их хватал, как какую-то несчастную тюльку, и не подозревал, что с годами они могут превратиться в таких гигантов, – удивился Ярослав.

– Фёдор Семёнович...

– Кто?

– Главный рыбовод нашего хозяйства.

- А... На даче и такие специалисты имеются?
- Конечно! Так вот... Он утверждает, что летом налимы впадают в спячку.
- Чистая правда! – подтвердил Плечов.
- Для того чтобы обеспечить рыбкам максимально комфортные условия обитания, работники устлали дно пруда искусственными кочками из твёрдого грунта – «купинами», как их называет дядя Федя.
- Он что, родом с Украины?
- Так точно. Из села, которое так и называется – Миньки, налимы по-нашему.
- Ты сам-то откуда? – по-отечески поинтересовался Плечов, хотя разница в возрасте между ними вряд ли была существенной и предполагала более равноправные отношения.
- Из Рудника... Ой, простите... Теперь наш посёлок называется Воркута... Там этого добра валом. Даже собак налимами кормят.
- Знаю.
- Поймаешь, бывало, такую тварь, влупишь хребтом о деревянную скамейку, чтобы увеличить размеры печени, выпотрошишь – и сразу на сковородку. Вкуснота! Пальчики оближешь!
- Да. Печень трески – продукт великолепный. Но уж больно дефицитный.
- Вы не ошиблись... Трески?
- Да. Налим – единственный представитель семейства тресковых, который водится в наших пресных водах.
- Ты гляди... А я и не знал!

* * *

Пруд, которым любовались наши герои, был вырыт без использования тяжёлой техники, по сути, голыми руками, посреди цветущего фруктового сада, сразу за которым располагались конюшня, коровник (с тремя бурёнками и двумя доярками), птичник, голубятня, бельчатник и другие хозяйственные постройки...

Причём вся эта «роскошь» находилась на запад от водоёма.

А в противоположной стороне была обустроена великолепная площадка для игры в городки, но до неё друзья так и не успели добраться, ибо вскоре к их компании неожиданно присоединился невесть откуда взявшийся невысокий кривоногий паренёк в грязной военной форме без знаков отличия и начал что-то бесконечно долго бормотать, периодически указывая на дом с фасадом цвета майской травы.

– Пора! Вас ждут! – наконец-то дотумкал младший лейтенант госбезопасности.

* * *

Лысый, как бубен, Поскрёбышев с натянутой на лицо дежурной улыбкой стоял на крыльце, что означало: «Можете заходить – ваша очередь наконец настала!»

Со времени их последней встречи с Плечовым он очень сдал и выглядел неважно – словно за плечами все 70, а не неполных 50 лет бурной жизни (юбилей будет только в августе!).

Так сильно секретаря Сталина подкосил арест любимой супруги, но об этом Плечов, как мы понимаем, даже не догадывался.

Однако...

В прихожей резиденции вождя переминался с ноги на ногу человек, который не только хорошо знал о всех его несчастьях и бедах, но и был причастен к их возникновению.

Берия.

Он жестом показывал налево.

Яра быстро шмыгнул в незнакомую дверь (в прошлый раз беседа с главой Советского государства протекала в Большом зале, расположенном справа от прихожей), а Копытцев неожиданно замялся, предпочтя остаться в «предбаннике», мол, «меня же не вызывали, сказали только доставить нужного человечка», однако Лаврентий Павлович подтолкнул его в правильном направлении и сам направился следом.

Первое, что открылось глазам вошедших, был стол, уставленный супницами, судками и прочей столовой утварью: тарелками, ложками да вилками.

Сам Иосиф Виссарионович сидел у не разожжённого (пока) камина и гладил приклад американского винчестера, из которого он частенько палил по надоедливим воронам.

Заметив «дорогих гостей», вождь поднялся со своего места, но двигаться навстречу не стал.

– Позавтракаете со мной? – молвил тихо, не здороваясь и не подавая руки.

Плохой знак?

Или намёк на то, что не стоит «гнать пургу», лучше говорить чётко, конкретно, прямо, правильно, по делу. И долго не задерживаться?

Прочсть что-либо в карих, абсолютно непроницаемых глазах главного человека Страны Советов не представлялось возможным, но и отказываться в любом случае было нельзя.

– Так точно! – не дождавшись реакции старшего по званию, коим, несомненно, являлся смиренно стоявший позади двух майоров генеральный комиссар госбезопасности, поспешил согласиться Ярослав – как, видимо, самый смелый (или самый наглый?) из всей компании.

– Выпьете?

– Когда-нибудь в другой раз, – еле шевеля языком из-за необычной сухости, обуявшей вдруг всю ротовую полость, вяло выдавил Копытцев, которому, скорее всего, и адресовалось данное предложение, ибо именно на него был направлен пронизательный взгляд.

– Они у меня люди непьющие, – без промедления уточнил народный комиссар внутренних дел. – Оба кандидаты наук, спортсмены, умницы! Других, как известно, мы не держим.

– А как прикажешь быть с их вчерашними похождениями? – уколол хвастуна хозяин резиденции.

– Так то ж пиво, Иосиф Виссарионович, – окончательно «освоился» секретный сотрудник Плечов. – Лёгкий тонизирующий напиток. Чуть крепче лимонада.

Товарищ Сталин засмеялся. Поначалу – тихо, затем всё громче и громче. Спустя несколько секунд к нему присоединились и все остальные.

– Ладно, приступим к делу, – пригладил усы вождь. – Знаете, зачем я вас все пригласил?

– Никак нет! – в один голос признались офицеры.

– И даже не догадываетесь?

– Нет, – не моргнув глазом, соврал Берия.

Кому-кому, а ему точно было известно всё о целях и задачах этого визита.

– Скоро уже год, как гитлеровские войска оккупировали Францию... Но праздновать данное событие мы не собираемся... Продолжи, Лаврентий!

– Сразу за передовыми частями вермахта в столицу этой страны вошли ведущие сотрудники некоторых подразделений «Аненербе» – полное название: «Немецкое общество по изучению древних сил и мистики». Они отвечают за поиск различных христианских святынь, таких, как, к примеру, сосуд Грааля, копьё Лонгина и конечно же золотые апостолы, до Отечественной войны 1812 года хранившиеся в родовом замке Радзивиллов.

Первым делом фашистские исследователи перевероршили-перелопатили все фонды музея Национальных архивов и, как нам стало известно, кое-что нашли!

Это копии некоторых прелюбопытных документов, естественно, с грифом «Совершенно секретно».

Ознакомьтесь, уважаемый Ярослав Иванович, вам они будут чрезвычайно полезны!

Учёный взял в руки одну из бумажек.

– «Докладываю, что интересующая вас реликвия, была подготовлена к эвакуации во Францию, но под тяжёлыми ударами неприятельских войск вынужденно оставлена в подземелье Несвижского замка... Координаты тайника прилагаются...» – прочитал вслух Плечов, переводя с французского на русский. – Вторую часть записки, естественно, обнаружить не удалось?

– Ну, почему же? – Иосиф Виссарионович хитро прищурился и улыбнулся. – Но с её смыслом я познакомил вас ещё в прошлую нашу встречу!

– Так вот откуда появилась взятая в круг буква «ц» и «40» то ли «м», то ли «лл» возле неё!

– Верно, всё верно... Не спите: накладывайте еду сами – суп, картошечка с мясом... Здесь у меня только повара и подавальщицы – иной прислуги нет.

– Спасибо! – Берия лично открыл несколько судков, после чего принялся накладывать пюре и гуляш сначала своим подчинённым, а затем и себе.

– Мне кажется, с двумя «л» вы несколько переусердствовали: во Франции к тому времени уже десять лет действовала метрическая система мер, и автор доклада наверняка пользовался именно ей, – тем временем спокойно продолжал Сталин.

– Согласен! – припомнил временно подзабытое коронное выражение Ярослав. – Но вся беда в том, что вы, а затем и мы пользовались переводным вариантом, а для чистоты эксперимента следовало бы поработать с оригиналом...

– Не переживайте. Вам, как и остальным учёным, была предоставлена точная копия подлинного документа.

– Выходит, одна его часть была написана на французском, а другая на русском языке?

– Молодец! Умеешь мыслить логично!

– К тому же изучали её не мы одни?

– И снова: не в бровь, а в глаз!

– Стало быть, вы нам не доверяете?

– Нет, почему же, доверяю... Но мне кажется, что руководитель великой страны не должен полагаться на чье-то одно, пусть даже очень авторитетное, научное мнение.

– И я так считаю. Чем больше разных мнений, тем короче путь к истине.

– Не стану скрывать: выводы других специалистов существенным образом отличались от ваших с Фролушкиным. Некоторые весьма уважаемые в научном мире товарищи усомнились в том, что в данном случае кто-то намеренно мог вписать одну букву в другую. Скорее неизвестный нам картограф просто обвёл «ц», дабы подчеркнуть её особую важность. Причём имея в виду не церковь, а какой-то иной ориентир.

– Я сам поначалу так думал. Ведь на западе Белоруссии живут преимущественно католики, и православные соборы там в диковинку, всё больше костёлы... Но Фёдор Алексеевич настаивал на своей правоте, и мне ничего не оставалось делать, как согласиться с мнением учителя.

– Ну да... Вы ведь были очень близки...

– Практически, как сын с отцом.

– Ясно... Может, попробуете ещё раз поработать с картой?

– Попробую!

– Да вы ешьте, ешьте, Ярослав Иванович, не стесняйтесь – всем хватит...

– Спасибо, товарищ Сталин. Я завтракал!

– Супруга постаралась? Ольга... Напомните, как её по отчеству?

– Александровна, – улыбнулся Ярослав и добавил: – Она меня голодным из дома не выпускает.

Сталин кивнул и снова заговорил о деле:

– Недели на работу с документами вам хватит?

– Не знаю...

– Тогда – две. Отъедайтесь, подлечивайтесь, а пятнадцатого июня – в дорогу.

– Понял.

– Билетами Алексей Иванович вас обеспечит... Один поедете или с семьёй?

– Пока не знаю.

– Хотите посоветоваться с женой?

– Да... Кому доложить, если найду на карте что-нибудь интересное?

– Как положено – товарищу Копытцеву. Он сообщит Лаврентию, а тот уже мне. Даром, что ли, каждый день видимся?

Вождь снова погладил усы и ещё раз стрельнул подобранными и от этого вдруг принявшими серый цвет глазами в сторону молодого философа, которого он с каждым разом уважал всё сильнее и сильнее.

«Чёрт... Как же здорово он сказал: „Чем больше разных мнений, тем короче путь к истине“... Может, приобщить перспективного паренька к чему-то более существенному, нежели элементарный поиск христианских святынь; пусть даже очень важных и желанных?»

А что, если доверить ему написание некоторых малозначимых статей от моего имени, чем время от времени развлекался разлюбленный и незабвенный Фёдор свет Лексеич...

Потянет ли?»

8

В обратный путь нарком решил отправиться не на своей служебной машине, а в ЗИСе Копытцева, и Плечову пришлось лезть на нелюбимое заднее сиденье.

– Ну-ка, братцы-кролики, признавайтесь, откуда вдруг Кобе² стало известно о ваших вчерашних «подвигах»? – обозначил одно из главных направлений предстоящей беседы Лаврентий Павлович.

Только ради неё он покинул своё шикарное авто!

– Какие «подвиги», товарищ генеральный комиссар госбезопасности? Так... Выпили после работы по паре бокалов пива, притом – с хорошей закуской, – несмело возразил Плечов. – И всё!

– А ты что скажешь в своё оправдание, Алексей Иванович?

– Фактически то же самое, – наконец-то начал приходить в себя Копытцев, надолго оробевший от ярчайших впечатлений, навеянных завтраком с главой правящей большевистской партии.

– Не бузили?

– Никак нет!

– Значит, кто-то следит за каждым вашим шагом и напрямую стучит в Инстанцию³, минуя высшее руководство органов, в том числе и вашего покорного слугу... Нехорошо это, некрасиво...

– Я разберусь, – твёрдо пообещал Лёша, не отрываясь от руля. – Лично вычислю поганца и доложу.

– На всё про всё у вас только несколько недель. До отъезда товарища Плечова...

– Понял...

– А где вы пиво пили? – неожиданно спросил нарком.

– Рядом. На параллельной улице, – без заминки пояснил Алексей.

– Ну что ж... Давайте прошвырнёмся по местам вашей недавней боевой славы. Заодно и опрокинем, как вы говорите, по бокальчику...

Показывать своё удивление друзья не рискнули.

* * *

Таисия пребывала на своём рабочем месте.

Она только-только открыла заведение, но уже дождалась первых посетителей: немолодую пару, теперь ведущую непринуждённую беседу под чаёк за самым дальним от стойки столиком.

Но когда на дорожке, ведущей к застеклённому киоску, в котором располагался её «штаб», появились двое вчерашних клиентов в сопровождении третьего, которого она конечно же сразу узнала, сердце толстушки ёкнуло, а душа моментально ушла в пятки.

«Неужели за мной?»

Хотя...

Посылать такую шишку арестовывать какую-то рядовую буфетчицу конечно же никто не станет.

Выглядел многолетний член ЦК ВКП (б) неважно – красные, воспалённые глаза, измятый, совершенно не ко времени, плащ (в столице давно не было дождя), широкополая, едва ли не ковбойская шляпа...

---

² Коба – старая, ещё дореволюционная (предположительно с 1904 года) партийная кличка И.В. Джугашвили-Сталина.

³ Высшее руководство страны на профессиональном сленге сотрудников спецслужб.

Но его лучезарная улыбка и сладостная, завораживающая, с гипнотическим воздействием, речь, мигом развеяли все нехорошие предчувствия и подозрения:

- Доброе утро, красавица!
- Здравствуйте, Лаврентий Павлович. Это точно вы?
- А то кто же?
- Можно вас потрогать?
- Можно, если осторожно... Зайти, или сама к нам выйдешь?
- Я и через окошечко управлюсь.

Буфетчица выставила далеко вперёд пухленькую конечность, ущипнула наркома за рукав пиджака, после чего весело взвизгнула и принялась что-то восторженно щебетать безо всякой остановки. Причём фактический смысл этого бесконечного словесного потока можно было спокойно свести к двум коротким фразам:

- Сам товарищ Берия?! Кому рассказать – не поверят!
- Чем угощать будешь? – спросил старый большевик, когда страсти улеглись.
- Да чем угодно... Хотите, ради такого случая, «Карамельное» открою? И чего покрепче могу, если понадобится!
- А сообрази-ка нам, пожалуйста, чайку!
- И всё?
- Сладкого чего-нибудь дай. Зефира, печенья, конфет. Для моих юных друзей...
- Будьте добры, присядьте за любой свободный столик! Я быстренько всё организую!

* * *

– Ну что ж, давайте продолжим «разбор полётов», так сказать. По горячим следам и непосредственно на месте происшествия, – похлёбывая горячий напиток, съехидничал Лаврентий Павлович.

- Каких таких полётов? – обиженно спросил Плечов. – На месте какого происшествия?
- Вопросы сегодня буду задавать я... С кем накануне вы здесь гуляли?
- А... Одни.
- Без посторонних?
- Так точно, товарищ генеральный комиссар. Только вдвоём... – тяжело вздохнув, подтвердил Копытцев.

– Я ведь не просто так затеял этот разговор, Алексей Иванович. О существовании особо секретного сотрудника с позывным «Яра» в нашей Конторе известно только мне и тебе. А за её пределами – главе государства и, возможно, его секретарю. Раскрытие любого агента – преступление, за которое придётся отвечать. А за такого, так вообще – расстрельная статья.

– Но...

– Никаких «но»... Как товарищ Сталин смог узнать о ваших тайных делах, когда даже я ничего о них не знал? Тем более что прошло всего ничего времени: практически одна ночь.

– О! Вспомнил! – хлопнул себя по лбу майор. – В конце беседы за наш столик подсели трое обычных работяг. Ремонтники-наладчики с «Красного Октября».

- Фамилии выяснил?
- Нет ещё.
- Почему?
- Не успел...
- Не хватает времени? Помочь? Выписать тебе годков эдак десять?
- Не надо. Исправлюсь!
- Конечно, исправишься... Причём очень быстро. Желательно, до конца сегодняшнего

дня.

– Есть!

– А сейчас... Можешь продолжать свой рассказ.

– Мы попили пивка и пошли к машине. – Майор смахнул пот с чела и нервно сорвал обвёртку конфеты, но есть её не стал. – Тут же подошёл Чепцов: «Сам генкомиссар тебя ищут»...

– Стоп. Чепцов это кто?

– Сержант... Племянник вашего заместителя. С начала года он работает в моём отделе.

– А до того?

– Не в курсе...

– Я сам изучу его дело, ясно? – нарком отделил половинку зефира, осторожно откусил и тут же выплюнул. – Тьфу, гадость... Вы каким пивом лакомились?

– «Русским!» – неуверенно протянул Плечов, покосившись в сторону киоска, за стеклом которого копошилась толстая буфетчица.

– Таисия!

– Да?

– Принеси бокальчик «Русского».

– Уже несу!

– Так вы же не употребляете, товарищ комиссар. Геть, на нет, совсем и полностью, как говорят на Украине, где Ярослав Иванович недавно побывал в командировке. От него я и позаимствовал это выражение, – попытался остановить начальника Копытцев, но тот лишь устало махнул в ответ рукой: мол, отстань, с вами не только запить, но и загулять можно.

Да и пиво, как ни крути, не вино и не водка!

Воистину пролетарский напиток.

Даже товарищ Ленин был не прочь иногда побаловаться им.

9

Пенистый продукт завода имени товарища Бадаева привёл товарища Берия в весьма добродушное и вполне покладистое, можно даже сказать, – блаженное состояние, и он предложил друзьям немного прогуляться по парку – как раз до того места, где им давеча повстречался сержант Чепцов.

Заодно нарком попросил Ярослава растолковать для него суть слова «закадычные»: что оно обозначает и когда употребляется. Мол, давай, философ, демонстрируй, что недаром ешь свой учёный хлеб.

– Раньше, как ни странно, этот фразеологизм чаще применялся по отношению не к единомышленникам или близким товарищам, а к собутыльникам, – на ходу стал проводить «ликбез» для комиссара Плечов. – То есть к тем, кто совместно принимает спиртное или, образно говоря, заливает за кадык...

– Почти как вы, – окончательно повеселел Лаврентий Павлович. – Ну, показывайте, где именно увидели этого... племянничка?

– Да вот прямо здесь, – узнал место Алексей. – Я, кстати, не растерялся и назвал при нём агента чужим именем.

– Как?

– Афанасий Викторович.

– Точно, как моего персонального официанта из «Арагви». Странно, странно...

– Чистая импровизация. Первое, что пришло на ум! – начал оправдываться Копытцев.

– А я сразу и не врубился, какой, на хрен, Афоня? – в своей излюбленной манере «прикинулся шлангом» Плечов, немедленно удостоенный за свои хитрости колючего взгляда «закадычного».

– Значит, так, товарищ майор, – тем временем начал подбивать итоги встречи на открытом воздухе товарищ Берия. – Завтра в семнадцать ноль-ноль ты у меня со всеми раскладами по ремонтникам, а я к тому времени постараюсь выяснить, что за птица залетела к тебе в огород по велению моего заместителя. Понял?

– Так точно!

– Что ж... Будем прощаться?

– Рановато, товарищ генеральный комиссар... Я ещё собирался показать вам с Ярой парочку собственноручно сделанных набросков лица второго из нападавших...

– Того, что сбежал?

– Да.

– И где твои гениальные труды?

– При мне! – похлопал себя по груди Копытцев. – В машине продемонстрирую!

* * *

По-барски развалившись на свободном заднем сиденье, Плечов принял из рук привычно занявшего водительское место Копытцева один из его рисунков и сразу же узнал на нём лицо своего давнего врага:

– Он! Тёзка...

(Лёха, как выяснилось, оказался неплохим художником.)

– Пчоловский, – немедля подтвердил предположение одного из самых секретных своих сотрудников Лаврентий Павлович. – К сожалению, вы, товарищ майор, возглавили отдел уже после того, как он сбежал из нашей страны. А вот Яра...

– Знает этого гада как облупленного, – подхватил «эстафетную палочку» наш главный герой.

– Если мне не изменяет память, вы вместе проходили срочную службу? – продолжил Берия.

– Так точно. На флоте. Северном. Правда, тогда он назывался флотилией.

– Знаю... Выходит, у вас давняя связь?

– Давняя и очень крепкая. Поймаю – удушю в объятиях.

– Справишься?

– А то... Зря, что ли, который год подряд, выигрываю чемпионат Союза! Больше от меня он не уйдёт...

Нарком снял очки и уже без них вперил свой пристальный взгляд в переносицу агента.

– Бог не в силе, а в правде, как сказал Александр Невский, – он произнёс это тихо, но очень твёрдо, как, видимо, когда-то и сам автор афоризма.

– Правда тоже на нашей стороне, – согласился с изречением великого русского князя Плечов и на всякий случай упрятал портрет во внутренний карман своей модной трикотажной жилетки.

Авось пригодится!

– Похвально... Похвально, – удовлетворённо хмыкнул Берия. – Но не будем почивать на лаврах. Давайте все трое попробуем включить мозги, чтобы понять противника и предугадать его возможные действия в ближайшем будущем.

– Давайте! – одновременно кивнули друзья.

– Начинай, Алексей Иванович.

– Итак, сотрудники «Аненербе» получили, по всей видимости, какие-то новые, дополнительные сведения о местонахождении золотых апостолов, – осторожно начал начальник секретно-шифровального отдела. – И решили выкрасть человека, который занимается тем же самым делом, но уже с нашей стороны. Чтобы с его помощью расставить точки над «i», восстановить недостающие звенья в своих умозаключениях...

– А это, в свою очередь, означает, что у них не всё сходится, где-то что-то не клеится, не срастается, несмотря на доступ к французским архивам... Короче, без нашего Яры врагам никак не обойтись, – задумчиво заключил Лаврентий Павлович. – Следовательно, попытка похищения может повториться.

– Что-то ты такое знаешь, братец, о чём всем остальным неизвестно. Пока, – пришёл к аналогичному выводу Копытцев. – Конечно, мы не оставим тебя без подстраховки, но бдительность терять всё равно не стоит. Ни на одно мгновение. Так что, прими, как говорится, к сведению.

– Ты нам живой нужен, – поддержал майора нарком Берия. – Впрочем, точно так же, как и оппонентам из «Наследия предков»!⁴ Так что, будем надеяться на лучшее.

– Будем! – соглашаясь с начальством, кивнул острым подбородком Ярослав. – Только страховать меня не следует. И любую другую помощь оказывать не надо, дабы не вспугнуть противника. Лучше просто не мешайте, я и сам управлюсь!

– Что значит «не мешайте»? – тут же поинтересовался Берия, водворяя очки на прежнее место.

– А то... В Минске у меня есть один старый приятель, – ваш тёзка, между прочим... Он может наломать дров похлеще любых фашистов.

– Ты имеешь в виду Лаврентия-второго?

– Да. В прошлый раз подручные товарища Цанавы чуть не лишили Плечова жизни, – оперативно проинформировал генерального комиссара госбезопасности Алексей Иванович.

---

⁴ Так дословно переводится с немецкого («Аненербе») название этой организации.

– А ты куда смотрел? – вместо ожидаемой благодарности рассердился тот, но быстро успокоился и вполне добродушно закончил:

– Завтра у нас на Лубянке должно состояться плановое совещание, на котором обязаны присутствовать руководители органов госбезопасности всех союзных республик. Я лично с ним поговорю. Можешь не сомневаться: теперь тёзка пылинки с тебя сдувать будет!

– Спасибо! – Яра оскалил зубы в лучезарной улыбке.

Вот это подарок – так подарок!

Роскошный, щедрый.

Можно сказать – царский!

10

Народный комиссар внутренних дел пересел в свой шикарный служебный автомобиль, всё это время покорно дожидавшийся хозяина в сотне метров от ЗИСа начальника секретно-шифровального отдела, и тот, шурша колёсами, бодренько побежал в направлении Малой Никитской улицы, где жил товарищ Берия.

А друзья продолжили обсуждать планы предстоящей командировки на прежнем месте – практически прямо напротив входа в парк.

– Один поедешь или с семьёй? – хитро прищурив проницательные глазки, пошёл в атаку Лёша.

– А ты что посоветуешь? – вопросом на вопрос, как и полагает дипломированному философу, ответил Яра.

– Больно сложная обстановка в мире. Вот-вот может рвануть... Да так, что мало не покажется. Поэтому жену и детишек, на мой взгляд, тебе лучше оставить в Москве. Надёжнее. Спокойнее, – доходчиво объяснил Копытцев.

– Согласен, – по давней привычке немногословно отреагировал Плечов.

– Я о них позабочусь.

– Знаю.

– Если что – звони на тайный, одному тебе известный номер. Помнишь?

– Естественно! Чего ты так волнуешься? Две недели впереди. Успеем обо всём договориться... А сейчас... Лучше вот что скажи: у тебя есть фото Чепцова?

– Нет. Но могу достать.

– Договорились!

11

Следующий раз они встретились только накануне отъезда. Во всё той же профессорской высотке, где обосновалась чета Плечовых.

Лёша приехал вечером, в начале девятого. Привёз для детей сладости, для взрослых – «Шампанское», плюс отдельно для агента – проездные документы и конечно же обещанное фото Чепцова; Фигина же испекла на ужин пирог с творогом и изюмом...

– И что, товарищ майор, надолго меня без мужа оставляете? – принимая позднего гостя, первым делом шутливо поинтересовалась она.

– Это уже, как карты лягут, дражайшая Ольга Александровна. Думаю, пройдёт неделька-другая, и получите его назад целым и невредимым, – в том же духе парировал обычно серьёзный и очень сдержанный Копытцев.

– Хорошо бы, – тяжело вздохнула хозяйка квартиры. – Не то, как только он куда-то уезжает, так обязательно возвращается домой с переломанными костями. А мне потом выхаживай!

– Что поделаешь? Такова ваша, бабская, доля, – не принял её доводы Алексей Иванович.

– Счас... Когда-нибудь мне всё это надоест...

– И что?

– Как пойду налево, как разгуляюсь, мало не покажется, ясно? – пригрозила Фигина.

– С двумя детками?

– Они нам, как ты говоришь, бабам, не помеха. Главное захотеть. Загореться, так сказать, желанием!

– В любом случае предпринимать какие-то резкие шаги на личном фронте я вам, гражданка, не советую.

– Это почему же?

– Во-первых, потому что умнее, сильнее, красивее, чем мой лучший друг Ярослав Иванович, всё равно не найти ни во всём Советском Союзе, ни за его пределами.

– Согласна.

– А, во-вторых, потому что я буду ходить за вами по пятам. Шаг влево, шаг вправо приравнивается не то что к личной – к государственной измене. По семейно-уголовному кодексу – высшая мера наказания.

– В чём она заключается?

– Об этом я тебе позже расскажу. На ушко... Когда супруг уедет!

– Смотрите мне! – вклинился в их диалог Ярослав. – Будете шалить – поймаю обоих, посажу на вертел – и поджарю со всех сторон!

– Ладно, Отелло, пошли табачком побалуемся, – примирительно предложил начальник секретно-шифровального отдела. – Пока хозяйка ужин готовит.

– Но ведь никто из вас не курит, – отреагировала Ольга, набрасывая свежую скатерть на доставшийся в наследство от Фролушкина старинный, по всей видимости, дореволюционный стол.

– В этом-то и весь фокус!

* * *

– Прогуляемся? – неожиданно предложил майор Копытцев, когда они оказались на улице. – Или прямо здесь, на месте, перебазарим?

– На месте. Времени в обрез... Собраться надо, с детьми позаниматься: кто знает, когда их опять увижу? – аргументированно обосновал свой отказ Яра.

- Скоро.
- Моя знаменитая чуйка подсказывает, что на сей раз командировка может затянуться... Так что давай-ка лучше присядем у подъезда на лавочку, и я внимательно выслушаю всё то, о чём ты хочешь мне сказать.
- Ладно. Ну-с, начнём... Смотри, какая хрень получается... Коля пропал.
- Какой ещё Коля?
- Чепцов.
- А... Тот сержант, что встретился нам в парке...
- Ага.
- Выходит, именно он стучал наверх?
- Похоже на то. Однако доказательств тому у меня, как ты понимаешь, нет.
- Не самого ли Лаврентия это работа?
- Вряд ли... Против Сталина Берия не попрёт – точно. Копать под вождя, сам знаешь, чревато...
- Согласен. А, может, сержанту просто предложили новую должность и перевели в другой отдел.
- Я пробивал: в списках нашего ведомства такой кадр не значится.
- Что ж... Будем ждать, когда всплывёт. А что с трудягами с «Красного Октября»?
- Чистые парни, благонадёжные. По пять-десять лет работают в одной бригаде. Передовики производства. Комсомольцы. Не преследовались, не привлекались... Никаких претензий со стороны руководства предприятия ни к кому из них нет. Одни благодарности.
- Понял... – подытожил Плечов. – Буду звонить два раза в месяц. Если Чепцов вдруг объявится, скажешь без всякого предупреждения: «Жив курилка», – я всё пойму!
- Зачем такая секретность?
- Да так, на всякий случай. Ну, хватит болтать... Пошли домой – Ольга уже нервничает – я её эмоции на любом расстоянии ощущаю.
- Правду говорят, что муж и жена – одна сатана!
- Точно!

Глава 2. Предчувствие беды

1

На железнодорожной станции Минск царило всеобщее оживление: летние каникулы, лучшая пора для путешествий.

Плечов по забитому людьми переходному мосту с трудом выбрался на привокзальную площадь и, заметив издалека медленно приближающееся такси с зелёным огоньком в правом уголке лобового стекла, начал махать свободной от поклажи правой рукой.

Получилось удачно. Машина остановилась.

За её рулём сидел... Цанава.

Он был один. В гражданской одежде. И даже с ненавистным ему галстуком на грубой шее.

– Здравствуй, Ярослав Иванович.

– Здравия желаю, товарищ старший майор! – усаживаясь на переднее пассажирское сиденье, удивлённо произнёс в ответ агент, хотя сам, если признаться честно, предполагал схожий сценарий развития событий.

Работа у него такая: предвидеть, что может случиться через несколько часов, в течение сегодняшнего дня, завтра... Иначе на нелегальном положении не выжить!

– Мелко плаваешь. Комиссар госбезопасности третьего ранга, нарком госбезопасности Белорусской ССР, – сполна насладившись растерянной физиономией своего оппонента, горделиво сообщил главный чекист республики.

– А раньше? – вопросительно поднял брови Плечов.

– В прошлую нашу встречу я был наркомом внутренних дел.

– Это повышение или понижение?

– Ни то ни другое. Очередная реорганизация! – равнодушно объявил Лаврентий и начал плавно отпускать педаль сцепления.

Автомобиль неспешно покатыл вперёд по первому ряду недавно отремонтированной многополосной магистрали – одной из самых главных в столичном городе.

– Всё равно поздравляю. – Яра собрался было ещё раз пожать наркому руку, но вовремя заметил, что тот всецело сосредоточился на, надо отметить, мастерском вождении служебного автомобиля, и передумал. А вот от продолжения диалога отказываться не стал. – Удачи вам в нелёгкой службе на благо нашей великой социалистической Родины.

– Спасибо. С этого мгновения я не только народный комиссар, но и твой личный опекун, можно сказать, ангел-хранитель, – перестраиваясь в левый ряд, сообщил сенсационную новость Цанава. – Так что можешь гордиться, философ.

– Уже...

– Что «уже»?

– Горжусь!

– Чего так печально? Разве не видишь, как я о тебе печусь, пекусь, тьфу ты, – короче, забочусь? Не каждого комиссар лично встречает!

– Не только вижу, Лаврентий Фомич, но и чувствую. До сих пор. Рёбрами. Почками. Нюют на бесконечно меняющуюся погоду так, что можно обгадиться от боли, – пожаловался агент, не скрывая сарказма.

– Обгадись, – спокойно посоветовал тот.

– Не в моих правилах.

– Ну, не сердись, – примирительно сказал нарком. – Я же не знал, что ты такая важная птица. Учёный с мировым именем! – Он зачем-то недолго поковырял свободной левой рукой в

своём мясистом носу и, как заправский диктор, отчеканил: – К тому же иногда выполняющий особо важные секретные поручения высшего руководства Союза Советских Социалистических республик.

– Какие ещё поручения? – недоверчиво покосился на своего высокопоставленного «водицу» Плечов.

– А вот этого, дорогой, мне знать не полагается, – скромно «отмазался» Цанава. – Сказано – важные, значит, важные, секретные – значит, секретные. Моё дело – оберегать, лелеять, чтоб ни один волос не упал с твоей головы.

– Погодите, – никак не мог врубиться в курс дела великий, как его называли, философ. – Выходит, сейчас вы служите в ведомстве, которым с недавних пор руководит товарищ Меркулов, и Лаврентий Павлович уже не прямой для вас начальник?

– Обижает, дорогой, – надул щёки комиссар и в очередной раз нарушил правила дорожного движения, повернув налево через сплошную линию. – Не меня – моего большого друга, земляка, тезку... С начала года товарищ Берия – Генеральный комиссар госбезопасности. И, как заместитель председателя Совета народных комиссаров, курирует не только НКВД с НКГБ, но и речной флот, лесную и нефтяную промышленность, а также много чего другого!

– Окончательно вы меня запутали, уважаемый Лаврентий Фомич... Геть, на нет, совсем и полностью, как говорят на братской Украине.

– Твоё дело маленькое, – не отрываясь от руля, жёстко гнул свою линию товарищ Цанава, никак не реагируя на реплики высокообразованного собеседника. – Загадал желание, сообщил, чего изволишь, и сопи в две дырочки, жди, когда исполнится. Это даже не золотая рыбка, а целый старик Хоттабыч, поступивший в твоё круглосуточное распоряжение. Ты велел, я выдернул волосок...

– Простите, но у вас нет бороды! – отпустил очередную колкость Яра, но это никак не повлияло на поведение наркома.

– Тебе-то что? – хмыкнул он. – Пробормотал пару слов – и на тебе: готово... Вот только на результаты футбольных матчей я, к сожалению, влиять ещё не научился. Перекладыны ворот подымать, штанги влево-вправо двигать – ну, никак не получается. А всё остальное – милости прошу!

– Вы что же, до сих пор читаете детские книжки? – недоумённо поинтересовался Плечов.

– Так... Просматриваю. Иногда. В силу служебной необходимости. Чтобы товарищи писатели разной антисоветской ерунды не наморозили!

– Понял.

– Тебя куда везти? – наконец сменил тон Лаврентий Второй. С презрительно-повелительного на простовато-добродушный.

– В какой-нибудь хороший отель. Надеюсь, теперь-то в столице советской Белоруссии таковых найдётся немало?

– Зачем тебе гостиница, дорогой? У тебя есть своя жилплощадь.

– Её никому не передали?

– Нет. Правда, одно время в квартире жил твой коллега – какой-то гуманитарий из БГУ, но... В общем, можешь не беспокоиться. Вот, держи ключи, там новый замок.

2

Ярослав Иванович вытащил из-под стола запылившуюся деревянную табуретку, протёр её влажной тряпкой и, присев за кухонным столом, уставился в наполовину открытое окно.

«Чёрт... Как быстро летит время! Шурику уже четвёртый годок пошёл. И Андрюшке – три месяца. Вот, кажется, только вчера мы все (я, Цанава и Фролушкин) наслаждались в этой комнате великолепным французским коньяком.

Но...

Не успел мизерный кусочек земной тверди с населяющими его букашками совершить с сумасшедшей скоростью несколько оборотов вокруг одного из небесных светил, являющегося, по сути, обычной электрической лампочкой не самых выдающихся размеров и не самой большой мощности в масштабах нашей Вселенной, а уже столько всего случилось, столько произошло!

Доброго, светлого.

Но чаще всё же ошибочного, лихого, несправедливого.

Первый из двух тогдашних сотрапезников, малообразованный и наглый, с каждым днём всё выше и выше забирается по служебной лестнице, до сих пор жрёт, пьёт, гуляет, а второй – умный, искренний, честный, предельно чистый душой – лежит в шкатулке... Точнее не он, а то, что после него осталось.

Боже правый, если ты есть, конечно (а я в это верю!), обрати, наконец, внимание на вопиющую несправедливость, царящую в твоих владеньях!»

3

Прошло несколько дней, в течение которых Плечов практически не покидал свою уютную квартирку (если не считать утренние прогулки и нерегулярные походы в ближайший «Гастроном» – за хлебушком, колбаской и лучшей в мире белорусской молочкой).

Без дела он не сидел – писал статью для английского философского журнала, которую обещал сдать до 1 июля.

Цейтнот!

Но вот однажды...

Ровно в семь часов утра кто-то стал настойчиво барабанить в его дверь.

Яра лишь повернулся на другой бок и натянул на голову одеяло – просыпаться не хотелось категорически!

Но тут в ушную перепонку ударил громкий возглас:

– Хватит бездельничать! Вставай!

Личность владельца этого немного визгливого голоса он смог бы безошибочно установить с первой попытки и в любых других, намного более сложных, чем нынешние, условиях.

Цанава!

– Иду! – агент резво вскочил с кровати и, накинув на себя предусмотрительно привезённый из Москвы халат, поплёлся в коридор.

Провернул два раза в скважине ключ, толкнул вперёд дверь – и не заметил, как очутился в крепких объятиях Лаврентия Второго.

– Доброе утро, дорогой! – нежно похлопывая по широкой спине заспанного хозяина квартиры, пробасил непрошенный гость.

– Здравия желаю, товарищ комиссар...

– Как спалось?

– Вашими молитвами.

– Надеюсь, ты достойно оценишь внимание, которым я тебя окружил?

– В каком смысле?

– Лично встретил, лично разбудил, а мог бы просто послать посыльного. Например, адъютанта своего – Жигачёва. Или ещё кого.

– Спасибо. Признавайтесь, чем вызвана такая невероятная заботливость по отношению к моей малозначимой, абсолютно скромной персоне?

– А то ты не знаешь?

– Нет.

– Прямыми указаниями из Центра.

– А...

– Мой большой друг и тёзка...

– В Москве ходят слухи, что не только друг, но ещё и близкий родственник: то ли дядя, то ли брат, в честь которого вас в принципе и назвали.

– Врут, сволочи... Хотят очернить-опорочить мудрого руководителя, умного и высоко-нравственного, по-ря-доч-но-го (для усиления эффекта он произнёс последнее слово по сло-гам) человека.

– Чем, вернее, кем очернить? Братом? Племянником?

– Неважно... Слушай далее. Батоно Лаврентий сказал: «Не дай бог с ним что-то случится». Я просто принял к сведению его пожелания и уже начинаю действовать.

– Именно поэтому вы не дали мне досмотреть очередной чудесный утренний сон?

– Не только. Вчера к нашим пограничникам в районе города Брест явился очередной перебежчик с той стороны. Между прочим, как и ты, – философ. Возможно, даже всемирно известный... Говорит, что антифашист и предупреждает о грядущей войне...

– Я здесь при чём?

– Держишь меня за дурака, да? – Цанава значительно уменьшил «громкость звука» и заговорщически подмигнул: – Думаешь, мы не знаем, чем вы с Фролушкиным здесь занимались? За последний год мои люди опросили десятки священников, медиков, учёных-историков, простых жителей Несвижа, даже с Ядвигой Мечиславовной откровенно побеседовали, и единодушно пришли к выводу о том, что тебя интересуют золотые апостолы... А наш товарищ из Германии – Агидиус Танненбаум...

– Кто? – Глаза Яры округлились, а челюсть упала чуть ли не на грудь – слишком хорошо он знал это имя.

– Ну, этот... Перебежчик, которого я лично допрашивал всю ночь... Утверждает, что специалистам из его организации хорошо известно местонахождение пропавшей Несвижской реликвии.

– И как называется сей влиятельный орган?

– Ане... Анне... То ли эрдэ, то ли ербе... Мать его ети!

– «Наследие предков», – с улыбкой на устах подсказал учёный. – Аненербе.

– О! Точно! Ты, как всегда прав, профессор.

– Что ж ведите меня к этому молодому козлу, дорогой Лаврентий Фомич...

– Зачем ты так, Ярослав Иванович? Приличный товарищ... Солидный, образованный...

Короче, не козёл и даже не очень молодой!

– Именно так переводится на русский язык его древнее немецкое имя.

– Странное сочетание...

– О чём вы, товарищ нарком?

– Молодой козёл и рождественская ёлка... Древнее, как ты говоришь, немецкое имя и откровенно еврейская фамилия.

– Нормально. В истории человечества и не такие казусы встречались!

– Например?

– Лицо человеческое, а туловище – коня. Кентавр называется.

– Ну, ты и сравнил, братец!

4

Агидиус отсыпался после бессонной ночи. «Спальной» для него служила одна из бытовых комнат главного офиса белорусских чекистов, который располагался в центре Минска на центральной столичной улице, названной незатейливо – Советской.

Серое, угловатое здание (типичный образчик опять же советского конструктивизма), пользовалось среди населения дурной славой, а его мрачный вид заставлял простого обывателя трепетать от страха. Не зря же жители республики в то время придумали новое проклятие: «Чтоб к тебе в дом Цанава пришёл...»

...Будить Таннебаума нарком не стал («Пускай отдыхает, успеем ещё наговориться»). Чтобы не терять зря время (и квалификацию!), вместо перебежчика он устроил беглый допрос попавшему под руку Плечову.

– Скажи, Ярослав Иванович, какое у тебя звание?

– Кандидат исторических наук, – спокойно парировал учёный, прекрасно осознавая всю провокационность и вопроса, и той ситуации, в которой он может очутиться после неискреннего ответа.

– Не прикидывайся кентавром! – (Как быстро он усвоил новое слово!) – Кто ты? Капитан, майор? НКВД, НКГБ или какой-нибудь иностранной службы?

– Спросите об этом своего, как вы утверждаете, большого друга, – набравшись наглости, осадил зарвавшегося любимца Берии Плечов.

– Спрошу... – грозно обстреливая собеседника тёмными, пронизательными глазками, тихо пообещал тот.

– А пока... Вам велено обеспечивать мою безопасность? Вот и выполняйте! – требовательно заключил Ярослав, не оставляя собеседнику никакого пространства для ответного манёвра. – Тщательно, последовательно, не задавая глупых, необдуманных вопросов.

– Учту! – смиренно выдал Лаврентий Второй.

Дитя своего времени, он прекрасно понимал, что с кем можно и когда.

Сейчас точно лучше «затихнуть». И спокойно ожидать, когда этот московский выскочка совершит ошибку. Чтобы в тот же миг прихлопнуть его, как зловонного клопа или таракана.

Если хватит силёнок, конечно.

* * *

Выспаться, как следует, Агидиусу, так и не дали. В полдень его поднял один из младших офицеров белорусской госбезопасности и по длинному тёмному коридору сопроводил в кабинет наркома, где уже согласно давней кавказской традиции был накрыт шикарный стол, во главе которого гордо восседал наш главный герой – Плечов.

Танненбаум бросил жадный взгляд сначала на дорогой коньяк, соседствовавший с «Советским Шампанским» и красным марочным вином, затем, уже исходя обильной слюной, – на всевозможные мясные деликатесы и только тогда обратил внимание на своего коллегу, с которым они не раз встречались на международных форумах, проходивших в СССР (за границу секретного агента конечно же не выпускали).

– Ярослав Иванович?

(Немец прекрасно владел русским языком, но это стало открытием разве что для Лаврентия Второго.)

– Я, – не стал опровергать очевидное агент.

– Какими судьбами?

– Случайно... Пути господни неисповедимы!

- Агидиус сел напротив своего «русского друга» и протянул через стол руку.
- Сначала пообедаем, а потом подискутируем... Гут? – предложил задиристо.
  - Согласен, – кивнул Яра.

5

– Итак, вы утверждаете, что работали в сверхсекретном отделе «Аненербе», осуществляющем поиск христианских святынь по всему миру? – решил ускорить ход событий товарищ Цанава после того, как заметил, что Танненбаум продолжает под вино набивать свою утробу дефицитными продуктами, тогда как прочие участники застолья (он сам и Плечов) давно уже по самое горло насытились ими.

Как будто нарочно тянет время, гад!

– Так точно, герр комиссар! – кивнул немец, ни на миг не отрываясь от разнообразной закуски. – Разрешите, однако, сначала покончить вон с той аппетитной колбаской в натуральной оболочке?

– Пожалуйста! – сердито процедил Лаврентий. (Его явно начинало раздражать такое поведение перебежчика. Забыл он, похоже, кто здесь хозяин...)

– Кстати, как она называется? – продолжал дразнить наркома Агидиус, ничего не подозревая о собственных «косяках».

– «Докторская», – широко улыбнулся Ярослав.

– Отродясь ничего вкусней не пробовал!

– Зря, что ли, над технологией её приготовления трудился целый НИИ мясной промышленности под неустанным наблюдением самого товарища Микояна? – с гордым видом продолжал просвещать сотрапезника Плечов. – Это вам не капиталистическая подделка. Самый что ни на есть натурпродукт, в ста граммах которого двадцать пять граммов говядины, причём высшего сорта, и семьдесят граммов не самой жирной свинины...

– А ещё пять? – запихивая в рот последние кусочки понравившейся «Докторской», спросил Танненбаум с плохо скрываемой грустинкой в обычно твёрдом и от природы звонком голосе.

Может, это было связано с тем, что вожденный продукт закончился?

Пришлось Ярославу продолжить ликбез:

– Яйца, коровье молоко... Да вы кушайте... Не стесняйтесь и не отвлекайтесь, времени у нас вагон, – добавил он назло нетерпеливому наркому.

– Вкусно... Однако я не всё понял... НИИ... Микоян... Что... Кто это?

– НИИ – означает, научно-исследовательский институт, а Анастас Иванович Микоян – нарком нашей чудесной пищевой промышленности, – решил блеснуть эрудированностью и Цанава, после чего с ехидцей добавил: – Вы ещё вон ту, тоненькую, не пробовали. «Охотничья» называется. Рекомендую настойчиво. Особенно с горчицей!

Агидиус тотчас жадно схватил со стола нечто напоминающее с виду родную баварскую сосиску, только копчёную, помазал её грубым слоем неизвестного пока вещества (немецкая горчица, как известно, существенно отличается от нашей и по внешнему виду, и по крепости) и, предчувствуя райское наслаждение, молниеносно отправил себе в рот.

Да так и застыл... И без того бледное лицо немца вытянулось. В огромных, бесконечно синих арийских глазках появились влажные капельки. В расширенных зрачках – всепоглощающий труднопреодолимый ужас.

– А-а-а... Сила! – спустя полминуты, еле выдохнул перебежчик.

(По всей видимости, слово «сила» было в его репертуаре самым важным, самым любимым, как, например, «согласен» у Цанавы, а после первого приезда в Минск, и у Ярослава Плечова. Оказывается, немцы тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо!)

– Может, залить пожар красеньким? – в обычной сверхехидной манере предложил, казалось бы, не самый оптимальный выход из положения бездушный нарком.

Бедняга Танненбаум не ответил ничего – лишь часто-часто закивал головой в ответ.

Причём, как ни удивительно, – утвердительно.

После этого Плечов чуть ли не насильно влил в его глотку полбутылки «Массандры», наверняка из коллекционного фонда вин, образованного согласно Приказу по Народному комиссариату пищевой промышленности СССР от 8 февраля 1936 года.

Несмотря на такую и в самом деле отлично встряхивающую реабилитационную процедуру, очухался Агидиус нескоро, где-то через четверть часа, после чего неспешно начал свой рассказ. Не сбивчивый, а явно хорошо продуманный.

– По официальным данным, «Немецкое общество по изучению древних сил и мистики» было основано в 1935 году по личному распоряжению рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, но его появлению предшествовала деятельность многих родственных организаций, таких, например, как «Туле»⁵, у которой, между прочим, нацисты позаимствовали в качестве эмблемы свастику, «Вриль»⁶, «Германенорден»⁷, а также, некоторым образом, ордена Иллюминатов⁸, ордена Восточного Храма⁹ и частично «Вандерфогель»¹⁰.

Президентом «Анненербе» стал, естественно, Генрих Гиммлер. Главным спонсором – его личный духовный наставник, а, по совместительству, ещё и главный идеолог НСДАП¹¹ Рихард Дарре¹².

Первым директором новообразованного сверхсекретного ведомства был назначен Герман Вирт¹³, у которого я стажировался в Бёрнском университете.

Основной задачей организации с момента её создания являлось изучение истории германского народа, его обычаев, традиций, но уже на первом году деятельности рейхсляйтер Гиммлер слегка подкорректировал цели: «Искать локализацию, мысль, действия, наследие индогерманской расы и сообщать народу в интенсивной форме результаты поисков». Это цитата.

Я в то время служил в учебно-исследовательском отделе философии. Заместителем у Курта Шиллинга. Ярослав Иванович должен его знать, в последние годы профессор был частым гостем в вашей стране...

– Да-да, конечно, – подтвердил Плечов, так же, как и Цанава, внимательно слушавший рассказ перебежчика и ни разу его не перебивший, даже тогда, когда хотелось что-то уточнить, о чём-то спросить. – Он, кажется, из Мюнхенского университета?

– Так точно, мой дорогой коллега. Так точно! – расцвёл «рождественской» улыбкой Танненбаум. – У этого учебного заведения крепкие и давние связи с вашим родным МГУ.

– Согласен. Особенно с философским факультетом!

---

⁵ «Туле» (ударение на втором слоге) – немецкое оккультное и политическое общество, основанное в Мюнхене в 1918 году. Полное название – «Группа по изучению германской древности» («Studiengruppe für germanisches Altertum»). Происходит от названия мистической северной столицы, воспетой в древнегреческих легендах.

⁶ «Вриль» (иногда – «Врил») – тайное общество медиумов, члены которого якобы контактировали с представителями инопланетной или подземной цивилизации с целью обретения мистической силы.

⁷ Ложа, организованная исключительно по масонскому принципу.

⁸ От «Puminatus» – озарённый, просветлённый, просвещённый; по своей сути – та же самая типичная масонская ложа.

⁹ Орден восточных тамплиеров, орден храма Востока – международная оккультно-религиозная организация, изначально задуманная, как масонская академия. Существует с 1902 года.

¹⁰ Дословно с немецкого – «Перелётная птица» – общее название различных немецкоязычных культурно-образовательных и туристических молодёжных групп, а также клубов из разных стран, впервые образовавшихся в 1896 году и, кстати, успешно действующих по нынешний день.

¹¹ Аббревиатура. В переводе – НСРПГ, то есть национал-социалистическая рабочая партия Германии – политическая сила, существовавшая с 1920 по 1945 год; с января 1933-го – правящая, а с июля 1933 до мая 1945-го – единственная законная партия в Германии.

¹² Рихард Вальтер Оскар Дарре (1895–1953) – руководитель Главного расово-поселенческого управления СС, рейхсминистр продовольствия (1933–1942), обергруппенфюрер СС (1934).

¹³ Герман Вирт (1885–1981) – голландско-немецкий учёный и мистик, изучавший древние религии, символы и языки.

6

– Может, пора переходить к основной части нашей содержательной беседы? – утомлённо изрёк Лаврентий, подымаясь из-за стола. – На предварительном допросе вы сообщили мне о том, что знаете, где находится главная святыня Несвижского замка, я имею в виду библейских истуканов.

– Кого-кого? – недоумённо выдавил Агидиус.

– Ну, этих...

– Может, апостолов?

– Ага... Точно... Их!

– Так они больше евангельские, чем библейские...

– Мы, советские люди, в большинстве своём атеисты и не шибко разбираемся в религиозных ат... ар...

– Атрибутах? – навскидку предположил Ярослав.

– Нет, этих – артех... Ну как же их?...

– Артефактах?

– О! Правильно!

– Знаю – сказано слишком громко, – вернулся в тему немец. – Предполагаю.

– То есть вы решили пойти в отказ? – с недоумением, плавно переходящим в негодование, прошипел Цанава.

– Товарищ комиссар, если можно, помолчите, а ещё лучше, вообще оставьте нас наедине, – зло блеснул глазами секретный сотрудник. – Мы с господином Танненбаумом прекрасно поймём друга и, поверьте, быстро найдём консенсус.

– Что найдёте?

– Согласие, взаимопонимание.

– Хорошо. Ищите. Но в моём присутствии. Ясно?

– Нет. Всё равно позже я вам обо всём доложу. Со всеми подробностями. И, если хотите, – в письменном виде.

– Но...

– Если бы мы намеревались от вас что-то утаить, то попросту перешли б на немецкий язык или английский, вы же ни тем, ни другим, в совершенстве не владеете?

– В совершенстве языком владеют сами знаете кто, – недовольно прорычал Лаврентий Фомич, добавив к своему высказыванию острое матерное словцо, как бы для усиления эффекта. – Всё, что мне надо, я и так пойму... Или хотя бы догадаюсь, о чём идёт речь. По глазам, по губам... Ибо, как ни изошряйтесь, всё равно вашу мелкобуржуазную образованность и рядом нельзя ставить с нашей пролетарской смекалкой...

– В каком смысле?

– По практическим результатам. По силе воздействия на умы прогрессивного человечества.

– Умно... Ну, тогда держитесь – поехали... Заг мир, битте, майн либер фройнд...

– Э-э, мы так не договаривалась, – немедленно запротестовал главный белорусский чекист. – Приказываю перейти на человеческий язык!

– А как же ваша знаменитая смекалка, герр комиссар?

– Отставить... Давай по-нашему, по-русски!

– Ладно, принимается, – примирительно выдохнул Яра, продолжая обращаться по-прежнему исключительно к белорусскому наркому. – «Скажите, пожалуйста, дорогой мой друг, на чём базируются ваши предположения?» – это очень точный перевод моей предыдущей фразы плюс то, о чём я хотел сказать, как бы в продолжение её.

– Согласен. Больше вопросов не имею, – устало обронил Лаврентий Фомич.

7

И перебежчик всё так же неспешно продолжил вести свой познавательный рассказ – не столько о собственной службе в «Аненербе», сколько об истории и «подвигах» этой таинственной оккультной организации, что вызывало немалое раздражение у Цанавы, деятельная натура которого требовала сиюминутных результатов.

Показаний.

Разоблачений.

И (о, да ещё!) подтверждённых фактов.

Главным образом – о местонахождении, как он выразился, золотых истуканов.

Но Танненбаум по-прежнему не торопил события.

– Идея собрать в одном месте все христианские реликвии пришла к Гитлеру задолго до того, как он стал фюрером нации...

– Мне это не интересно! – в очередной раз разразился гневом бешеный нарком. – Давай про апостолов... И о запланированном нападении на нашу Родину не забудь упомянуть!

– Дорогой Агидиус, прошу вас, не обращайтесь на эти реплики внимания, – не выдержал Ярослав Иванович. – Продолжайте в прежнем духе. С мельчайшими подробностями. Я слушаю...

– Гут! – покорно согласился немецкий коллега. – В 1907 году Адольф попытался поступить в Венскую академию изящных искусств, но провалил экзамены и от нечего делать стал целыми днями слоняться по музеям, картинным галереям и букинистическим магазинам. Однажды, посещая дворец в Хофбурге¹⁴, он обратил внимание на выставленные там имперские клейноды правителей Священной Римской империи, среди которых было и Копьё Судьбы. Великая святыня так поразила будущего руководителя Третьего рейха, что он надолго впал в транс и вышел из него только тогда, когда один из зрителей уже собрался закрывать зал.

Всю ночь Адольф не спал, а ранним утром снова примчал в сокровищницу Габсбургов и целый день молча созерцал орудие убийства Христа.

Прошло много лет. 15 марта 1938 года Гитлер снова прибыл в Хофбургский дворец – теперь уже в сопровождении своего верного друга и соратника Гимmlера – и предъявил свои права на копьё Лонгина. Он был свято убеждён: артефакт должен храниться в древней церкви Святой Екатерины, что в городе Нюрнберге – в том зале, где в Средние века проводились состязания мейстерзингеров.

– Кого-кого? – нетерпеливо вставил очередные «пять копеек» Цанавы, чтобы таким образом обозначить собственное присутствие и заодно намекнуть болтунам-философам, что без его «руководящей и направляющей роли» их диалог не имеет перспектив.

– Поэтов-певцов средневековой Германии, – разъяснил смысл не самого распространённого слова Плечов.

– Ты смотри... Оказывается, уже в то время в Европе существовала гнилая интеллигенция!

– Не волнуйтесь, Лаврентий Фомич, в большинстве своём они были чисто пролетарского происхождения. Чаще всего, между прочим, – из числа ремесленников.

– И то хорошо!

– Скажите, вы любите оперу, товарищ нарком госбезопасности? – продолжил Яра.

– Не очень. Зачем петь о том, что можно пересказать обычными словами? А в чём дело?

– Иначе бы вы знали, что у любимого композитора Гитлера – Рихарда Вагнера – есть произведение, которое так и называется «Нюрнбергские мейстерзингеры».

¹⁴ Зимняя резиденция австрийских Габсбургов и основное местопребывание императорского двора в Вене.

– Ну и что?

– Товарищи, не сбивайте меня с мысли, – жалобно посмотрев на своих собеседников, взмолился бедняга Танненбаум и продолжил: – Руководитель Верховного партийного суда НСДАП Вальтер Бух и лидер австрийских эсэсовцев Бруно Кальтенбруннер в торжественной атмосфере передали новому лидеру Германии имперские клейноды, после чего тот с балкона дворца произнёс перед людьми, собравшимися на площади Героев, расположенной как раз напротив резиденции Габсбургов, очередную пламенную речь: «Я объявляю немецкому народу о том, что выполнил самую важную миссию в моей жизни. Как фюрер германской нации и рейхсканцлер я перед лицом истории заявляю о вступлении моей родины в Германский рейх!» Это опять цитата.

13 октября 1938 года бронепоезд доставил из Вены в Нюрнберг сокровища Священной Римской империи. В инвентарной описи помимо Копья Судьбы значились: зуб Иоанна Крестителя, лоскут скатерти со стола, за которым проходила Тайная вечеря, кошель Святого Эльма, библия первого римского папы, камень из стены Иерусалимского храма.

Прибытия состава на вокзале ожидала огромная толпа народа, двинувшая следом за бронетранспортёрами, на которые перегрузили драгоценности, в направлении церкви Святой Екатерины по оцепленным войсками улицам города...

– Возможно, именно тогда в голову фюрера закралась мысль о том, что неплохо было бы доставить на территорию Германии ещё и чашу Грааля, Туринскую плащаницу, золотых апостолов, да и все прочие святыни христианского мира, – предположил Ярослав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.